

Юрий Наточин: «У влюбленных всегда блестят глаза»

24.11.2025

Выдающийся физиолог, специалист в области физиологии почек и водно-солевого обмена академик Юрий Наточин за свои заслуги в науке [был удостоен звания «Почётный доктор СПбО РАН»](#). В специальном [интервью «Научному Петербургу»](#) он рассказал о первых шагах в медицине, ориентирах современной науки, воспитании молодых учёных и роли РАН в этом процессе.

Юрий Наточин — автор более 500 научных публикаций. Его ключевые работы посвящены изучению ионорегулирующей функции почки и механизмов водно-солевого гомеостаза. Юрий Викторович внёс значительный вклад в космическую медицину, участвуя в первых исследованиях функции почек у космонавтов. За свои научные достижения он был удостоен множества наград, включая ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степеней, Большую золотую медаль им. М.В. Ломоносова, Золотую медаль Я. Пуркинне. Академик Наточин — дважды лауреат премии Правительства РФ. Под его научным руководством подготовлено 55 докторов и кандидатов наук.

— Юрий Викторович, у Вас в детстве была мечта?

— Была. Я очень любил сказки, всё время читал их и придумывал свою жизнь как некое увлекательное повествование. В моей семье не было никого, кто бы занимался биологией или

медициной. В студенческие годы я участвовал в конференции в Ленинграде, и мой доклад признали лучшим. Диплом мне вручал директор Института эволюционной физиологии имени И.М. Сеченова АН СССР академик Леон Орбели.

После института мне предоставили редкую для того времени возможность — двойное распределение: либо аспирантура Академии наук, если поступлю, — либо участковым врачом в Новосибирскую область. Но, несмотря на пять пятёрок на экзаменах, в аспирантуру Института экспериментальной медицины меня не приняли.

— Почему же?

— Тогда действовали сложные механизмы. Может быть, потому, что, будучи секретарём комсомольской организации, я отказался вступить в партию, объяснив это желанием заниматься исключительно наукой. Во всяком случае никаких объяснений я не получил. Но откуда-то об этом стало известно Орбели. Пятого сентября, когда я должен был идти в облздравотдел за направлением на работу участковым врачом, почтальон принёс фототелеграмму от заведующего канцелярией Института имени Сеченова: «Юра, Леон Абгарович узнал о произошедшей ситуации. Он предлагает вам сдать экзамены и, если вы пройдёте конкурс (четыре человека на место), поступить в аспирантуру института».

На экзамене присутствовали все заведующие лабораториями института. Леон Абгарович очень симпатизировал одному из поступающих, юноше из Еревана. Орбели принимал экзамены в своём кабинете. Я сдал лучше всех и поступил.

— А что случилось с тем юношей?

— Леон Абгарович поехал в Москву, и в аспирантуру дали ещё одно место. Мы с этим «симпатичным» аспирантом всегда были очень дружны.

— Сложно было учиться в аспирантуре?

— Нет, мне было очень интересно, и я круглосуточно работал.

— Подрабатывали?

— Нет, я противник подобного совмещения. Я жил на рубль в день. На утро — завтрак из французской булочки. В качестве подарка мог себе позволить газированную воду с сиропом за три копейки. Обедал в столовой во флигеле здания Академии наук. Там были комплексные обеды: за 35 и 60 копеек. Меня всегда удивляло: дойдёшь из столовой до дома — и уже снова голодный. В то время я жил недалеко от Сенной площади — снимал угол в комнате, в которой «покои» таких арендаторов, как я, были огорожены марлевой сеточкой. Я не мог понять, почему маминого обеда мне хватало, а этого — нет? Потом догадался: у мамы хлеб был с маслом.

— Как прошла Ваша защита кандидатской диссертации?

— Мне не давали защитить диссертацию в Ленинграде. Мне вообще не очень везло. Нет-нет, я счастливый человек. Но случилось то же, что и с поступлением в аспирантуру. Обстоятельства сложились так, что защитить диссертацию мне пришлось в Москве. Директор одного ленинградского научного института испытывал некие ревностные чувства к Орбели и, соответственно, ко мне, как его ученику. Диссертацию направили в Институт эволюционной морфологии имени А.Н. Северцова. У меня было два оппонента, один из них — заведующий кафедрой физиологии Московского университета Хачатур Коштоянц, очень известный,

крупный учёный, член-корреспондент Академии наук СССР. А ведущей организацией для отзыва сделали как раз тот самый научный институт, директор которого меня, мягко говоря, недолго любил. Диссертацию направили в тот институт для отзыва ведущего учреждения.

Прошло полгода, год — молчок. Много позже я узнал, что директор этого института отдал диссертацию своему коллеге со словами: «Убери в стол и не открывай. Пока я жив, отзывы не пиши». Так и произошло. Я не мог защититься, пока он был жив. А когда его не стало, директором института стал замечательный учёный академик Владимир Черниговский. Я с ним не был знаком. Изучив мою диссертацию, он послал телеграмму в Москву и сказал, что в течение недели будет положительный отзыв. Я до сих пор очень хорошо помню, как проходила защита. Меня там никто не знал. Полтора часа длилась дискуссия, задавали вопросы. Поддержали единогласно.

— Вы не жалеете, что не стали практикующим врачом?

— Вовсе нет. Я до сих пор консультирую больных. Я придумал систему городских клинических разборов, которые по сей день являются образцом междисциплинарного подхода. Вместе с Научно-исследовательским институтом нефрологии и кафедрой терапии Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова мы раз в месяц проводили заседания по наиболее сложным клиническим случаям. Эти наши разборы посещали до двухсот врачей. Не оставляю эту практику и сейчас, в случаях, когда требуется неординарное решение. Более полусотни аспирантов и докторантов, в основном клиницистов, успешно защитили диссертации под моим руководством. На медфаке СПбГУ я ввёл аналогичную практику факультетских клинических разборов. Именно так мы находили решения очень трудных клинических случаев.

— Какой из них был самым сложным?

— Моя ученица рассказала мне о случае с девочкой лет девяти-десяти, которая умирала в больнице с неизвестным диагнозом. Я дал консультацию по телефону. Та девочка, к счастью, здоровствует и поныне. В благодарность после выписки из больницы она подарила мне орхидею со словами: «Покуда она живёт, буду жить и я». Этот случай был для меня очень показательным.

— Вы часто ездили в зарубежные командировки?

— Я объехал очень много стран, но мне всегда хотелось вернуться в Ленинград.

В 1963 году, сразу после окончания аспирантуры, меня пригласили исследовать проблемы водно-солевого обмена у космонавтов. Поначалу эти пробы были засекречены, но работа оказалась настолько важной, что её немедленно рассекретили и опубликовали в журнале «Космические исследования» в 1965 году. В 1973 году меня включили в состав советско-американской рабочей группы по космосу. Мы сотрудничали с руководителями американской космической программы, посещали Хьюстонский космический центр.

В те же годы меня пригласили в Комиссию по физиологии почки Международного союза физиологических наук (IUPS). Нас там было 6-8 человек со всего мира. Мы разработали новую классификацию структуры почки, описали, как работает каждая её часть. Потом меня пригласили в редколлегию ведущего журнала по исследованию функций почки — «Kidney International», где я был единственным представителем Советского Союза.

Академики Ю. Наточин, Ж. Алфёров и лауреат Нобелевской премии Р. Корнберг

Ещё один интересный случай произошёл в середине 1990-х. В 1993 году мне пришла идея провести через два года симпозиум, посвящённый 100-летию со дня рождения великих исследователей почки XX века — Александра Гинецинского, Гомера Смита и Евгения Тареева. Все они родились в 1895 году. Я решил поделиться ею со своим коллегой, профессором Нью-Йоркского университета. Через год я получил от него письмо. Он написал: «Я договорился о проведении симпозиума в Нью-Йоркском университете. Вам всё оплатят, если вы согласитесь приехать в США и организовать там этот симпозиум». И я поехал. Это был крупнейший симпозиум!

Академики Ю. Осипов и Ю. Наточин

— Как сочетать навыки администратора, учёного и педагога в одной личности?

— Для этого нужно иметь абсолютно разные качества. Может быть, я и не был администратором в стандартном понимании. Я старался создавать благоприятную среду, привлекать талантливых людей. Когда президент РАН Юрий Осипов предложил мне создать отделение физиологических наук, я получил 25 вакансий, и на них были избраны все намеченные претенденты. Главное — я подбирал людей с абсолютным уважением к их таланту и интеллектуальным возможностям. То же самое было и с кафедрами на медфаке СПбГУ: отбирал всех самостоятельно.

Я по-прежнему читаю лекции студентам и являюсь абсолютным противником того, чтобы отмечать, кто пришёл, а кто нет. Надо так читать лекцию, чтобы студент сам захотел на неё прийти, а не заставлять его ходить. У меня с этим проблем никогда не было.

— В одном из материалов о Вас писали: «полемизировать с академиком Наточиним крайне трудно, шанс добиться успеха в профессиональном споре с ним практически равен нулю». Согласны ли Вы с этим утверждением? Дискуссия — это обязательный компонент академической жизни?

— Да, согласен. Но в дискуссии должны участвовать люди, разбирающиеся в вопросе.

— В одном из выступлений Вы сказали: «Наука — женского рода. К ней нужно относиться нежно, тогда она ответит взаимностью». Когда прозвучали эти слова?

— Это было в Кремле, когда меня награждали орденом «За заслуги перед Отечеством». Я сидел и мучительно думал, что же мне сказать. Тогда я решил найти такую выразительную форму, чтобы все поняли, и сказал: «Почка — замечательный орган, которым я занимаюсь, но она подобна науке. Чтобы она хорошо работала, к ней нужно относиться с любовью. Тогда она ответит вам взаимностью». Зал аплодировал. Все поняли: это был призыв к бережному отношению к науке.

— Что для Вас значит быть членом Академии наук в целом и Санкт-Петербургского отделения в частности?

— Для меня Академия наук — это высшая интеллектуальная форма жизни, высшая форма признания. Я с невероятным почтением отношусь к статусу самой Академии. Всё, что от меня зависело, я всегда делал во благо Академии. Я был абсолютным сторонником возвращения здания Академии наук и создания её регионального отделения в Петербурге и имею к этому прямое отношение.

Несколько лет назад, когда президентом Академии наук был академик Александр Сергеев, на площадке СПбГУ состоялось совещание, посвящённое вопросам развития Академии. В программе выступающих меня не было, физиологи должен был представлять другой человек, и я подключился онлайн. И вдруг — звонит академик Сергеев: «Юрий Викторович, вы не могли бы выступить?» — «О чём?» — «О чём хотите». Я выступил и сказал, что очень важно использовать все возможности для создания в Петербурге регионального отделения.

Потом мне снова позвонил Александр Михайлович, попросил меня написать письмо на имя президента страны о том, о чём я сказал на совещании. Я согласился, но с двумя условиями. Первое — чтобы моё письмо было передано непосредственно в руки Владимира Владимировича. Второе — чтобы его никто не правил.

— Насколько сильно изменилась роль Академии наук за 300 лет её существования?

— Вы мне льстите — мне немножко меньше (смеётся). Я считаю, что Академии должны быть возвращены те функции, которые у неё были изначально. Это должно быть высшее научное учреждение страны. Количество членов Академии не должно расти бесконтрольно. В 1991 году, когда Академию наук СССР преобразовали в Российскую, было принято решение о стабилизации её численного состава. В академики должны были попадать только те, для кого это представляло высший интерес в жизни. Академия — это любовь, наука — это любовь. У влюблённых всегда блестят глаза. Фундаментальная наука приходит от Бога, а Он — это высшее проявление любви.

— То есть Вы считаете, что науку нельзя планировать?

— Фундаментальную — безусловно! Откуда нам знать, когда та или иная идея придёт нам в голову? Я стараюсь ходить домой пешком — это около 14 тысяч шагов в день. Иногда идеи приходят ко мне во время ходьбы. Записная книжка всегда со мной. Наука — это не всегда то, что можно запланировать. Раньше академиков было мало и они были свободны в выборе темы. Учёные могли рождать идеи. По принуждению это невозможно.

— Какой Вы видите физиологию через сто лет?

— Это очень важная проблема. Думаю, лет через двадцать физиология вернёт себе первенство. Сейчас все увлечены генетикой, кибернетикой, молекулярной биологией. Это важнейшие методы физиологии. Но ведь мы все — это уникальное сочетание простых элементов.

Физиология учит нас, как из этих элементов создать целое, понять их роль и исправить поломки. Сейчас мы уходим от этого, увлекаясь машинами и искусственным интеллектом. Но это ошибка. Искусственный интеллект многое умеет, но любить — нет. А без любви мы ничего не можем. Если в глазах нет огня — нет и жизни.

— У вас есть мечта?

— Есть. Как можно дольше оставаться самим собой.

Беседовал Евгений Демин

Источник: [периодическое информационное издание СПбО РАН «Научный Петербург» \(ноябрь 2025\)](#)